

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГРАНИЧАЩИХ ДРУГ С ДРУГОМ РЕГИОНАХ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Т. Ю. Кузнецова¹

Статья посвящена сравнительному анализу динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза. Отмечается, что большинство из таких регионов, являясь периферийными в своих странах, имеют и менее благоприятную демографическую ситуацию, однако сильно различающуюся от места к месту. Для реализации поставленной цели были использованы официальные данные статистических органов России и ЕС, которые проанализированы с помощью экономико-статистических методов и картирования полученных результатов. Выявлены большие различия между приграничными регионами и городами. Наиболее неблагоприятна демографическая обстановка вблизи границ в странах Прибалтики, несколько лучше — в Польше и Финляндии. В приграничных субъектах РФ население увеличивается в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях, но в ряде городов, расположенных в непосредственной близости от границы, число жителей сокращается. Важными факторами улучшения демографической ситуации могли бы стать снижение барьерной и усиление контактной функции границы, активизация трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: демографическая ситуация, приграничные регионы, приграничные города, Россия, страны Балтии, Польша, Финляндия

Введение

Конец XX века оказался рубежом, резко изменившим ход не только экономического, но и демографического развития бывших социалистических стран Восточной Европы. Изменились и условия развития их регионов, ставших после распада СССР приграничными и, предположительно, либо периферийными, либо способными получить импульс к развитию благодаря трансграничному сотрудничеству. Приграничные же регионы граничащих с государствами Восточной Европы стран с традиционной рыночной экономикой

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 23.04.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3

© Кузнецова Т. Ю., 2018

улучшили свое экономико-географическое положение благодаря снижению барьерной и повышению контактной функции границы. Более ориентированными на экономическое сотрудничество с соседями стали территории, расположенные в западных частях восточноевропейских стран, и граничащие с ними регионы государств Западной Европы. Население вошедших в Европейский союз бывших социалистических стран и республик СССР получило возможность миграции в экономически развитые государства ЕС в поисках более высокооплачиваемой работы и лучших условий жизни. И наоборот: столкнулось с притоком мигрантов из экономически менее развитых стран «третьего мира» (хотя и в меньшей степени, чем их более богатые западные соседи).

Россия граничит с пятью государствами, входящими в Европейский союз, причем все приграничные регионы РФ и стран ЕС расположены в пределах Балтийского макрорегиона. В последние годы российские исследователи значительное внимание стали уделять демографическим проблемам, в том числе выделяются и анализируются типологические различия регионов [1]. Однако в научных публикациях нечасто встречается сравнительный анализ демографической ситуации в России и ее регионах, с одной стороны, и в зарубежных странах и регионах — с другой. При этом отметим, что Балтийский регион, включая российский Северо-Запад, может считаться лидером как объект таких исследований [2—8]. Ряд работ посвящен региональным особенностям демографического развития в странах СНГ [9; 10], Баренц-регионе (Баренцевом Евро-Арктическом регионе) [11].

В данной статье автор уделяет внимание сопоставлению демографического развития граничащих друг с другом регионов РФ и стран ЕС для оценки потенциала и актуальности трансграничного сотрудничества.

Среди граничащих с Россией стран Евросоюза Финляндия относится к государствам с традиционной рыночной экономикой, Польша — к постсоциалистическим, а Литва, Латвия и Эстония (также постсоциалистические) — к постсоветским странам. Характер границы между ними и Российской Федерацией после распада СССР и перехода бывших социалистических стран на путь рыночного развития с последующим вхождением Польши и государств Прибалтики в НАТО и ЕС, а также вступлением в ЕС Финляндии сильно изменился, хотя прозрачность границ между Россией и названными странами остается намного меньшей, чем между членами Европейского союза [12]. В связи с этим была поставлена задача на основе анализа опубликованных статистических данных рассмотреть, как повлияло (если повлияло) на демографические процессы и структуры изменение геополитического положения регионов, расположенных с обеих сторон границы России с нынешними странами Европейского союза, то есть с пятью перечисленными выше государствами, а также выяснить, имеются ли различия в ходе демографических процессов и формировании геодемографической обстановки в приграничных регионах вдоль границ России с каждым из этих государств. Проводимый в статье анализ должен также показать, действует ли на исследуемой территории концепция поляризации, а именно: как развиваются приграничные регионы (которые исследователи часто относят к периферийным [13—15]) по сравнению с остальной частью граничащих друг с другом регионов России и соседних стран ЕС.

Методы исследования

При сравнении демографической ситуации в приграничных регионах России и стран ЕС ввиду отсутствия полного соответствия между иерархическими уровнями этих регионов межрегиональный анализ производится между субъектами РФ, с одной стороны, и статистическими регионами уровня NUTS 3 (то

есть третьего уровня) в классификации Евросоюза — с другой. По нашему мнению, это наилучшее, хотя и неполное соответствие субъектам РФ среди регионов стран ЕС различного уровня.

Исследование производится на основе статистических данных, отражающих динамику численности населения (на уровне стран — с 1950 по 2018 год и на уровне регионов — с 1990 по 2017 год), а также общий, естественный и миграционный прирост населения, общий коэффициент рождаемости и смертности (2016 год).

Демографическая ситуация на уровне регионов анализируется, в числе прочего, и в контексте общестрановых тенденций. Используются экономико-статистические методы (группировки, графоаналитический метод, типологизация) и картирование полученных результатов.

Источниками статистических данных являются *Росстат*¹ (в части данных по России и ее субъектам), *Eurostat* и справочники по рассматриваемым странам².

Динамика численности населения России и граничащих с ней стран ЕС

Динамика численности населения отражает состояние экономики и общества и представляет собой сложное комплексное явление [16]. Ее изучение важно не только для понимания специфики самой демографической ситуации, но и для оценки хода экономических и социальных процессов в странах и регионах. Исследователи отмечают, что сокращение численности населения труднообратимо [17]. Начинаясь с экономического спада, оно становится частью круга негативных процессов: сокращение налоговых поступлений, деградация в сфере социальных услуг и инфраструктуры и т.п. — и приводит к увеличению оттока населения. При этом в сравнительных исследованиях развития стран Европы основное внимание уделяется экономическому аспекту и динамике уровня жизни [18—21]. Между тем не меньшие изменения произошли и в демографических процессах, а сформировавшаяся новая демографическая ситуация на востоке Европы не только влияет на развитие экономики, но и, на наш взгляд, играет значительную роль в изменении здесь качества жизни и даже цивилизационных ценностей.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в странах Балтии, где с начала 1990-х годов быстро сокращается численность населения вследствие резкого падения и так невысокой рождаемости, а в Литве и Латвии еще и из-за интенсивной эмиграции [22]. В Эстонии, например, количество жителей почти в полтора раза меньше, чем в Ленинградской области, а скоро может стать меньшим по сравнению и с Калининградской областью. В Латвии численность населения уже меньше, чем в далеком 1950 году, а в Литве — как в начале 1960-х. В России сокращение численности населения наименее; в Польше оно, хотя и гораздо медленнее, чем раньше, но увеличивается. А в Финляндии, не испытавшей столь серьезных политических сдвигов, какие произошли в Прибалтике, население продолжает заметно возрастать.

¹ *Демография* // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 12.05.2018).

² См.: *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 10.05.2018); *Калининградстат*. URL: <http://kaliningrad.gks.ru> (дата обращения: 22.06.2018); *Central Statistical Bureau of Latvia*. URL: <http://www.csb.gov.lv/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Estonia*. URL: <https://www.stat.ee/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Finland*. URL: https://www.stat.fi/index_en.html (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Lithuania*. URL: <https://www.stat.gov.lt/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Poland*. URL: <http://stat.gov.pl/en/> (дата обращения: 08.06.2018).

В 2016—2017 годах количество жителей России, Финляндии и Польши возросло, хотя смертность здесь была немного выше рождаемости. Источником роста стал миграционный прирост: в Финляндии и России — значительный, в Польше — небольшой. В Литве и Латвии ситуация оказалась наименее благоприятной из-за значительной естественной убыли населения и выросшего отрицательного сальдо миграции (значительный отток литовцев и латышей в более богатые страны ЕС демонстрирует центр-периферийные отношения в современной Европе [23]). В Эстонии естественная убыль населения была меньше и имело место небольшое положительное сальдо миграции. Но оно не покрывало естественной убыли, и численность жителей здесь, как и в двух других странах Балтии, сокращалась. Таким образом, по особенностям динамики населения и ее источникам можно выделить две группы стран:

- 1) Россия, Польша и Финляндия с более благоприятными показателями (причем уровень рождаемости в России выше, чем в двух других странах, но и показатели смертности также выше);
- 2) Литва, Латвия и Эстония, которые имеют крайне низкие показатели естественного воспроизводства населения, обусловленные низкой рождаемостью и высокой смертностью, особенно в первых двух странах.

Динамика численности населения в приграничных субъектах России и стран ЕС

Динамика численности населения на исследуемых приграничных территориях более негативная, чем в данных странах в целом. Доля жителей приграничных регионов в общей численности государства в период с 1990 по 2016 год уменьшилась повсеместно, кроме Польши. Наиболее существенное сокращение произошло в тех странах, где в приграничных регионах сконцентрировано от 1/3 до 1/5 населения (рис. 1).

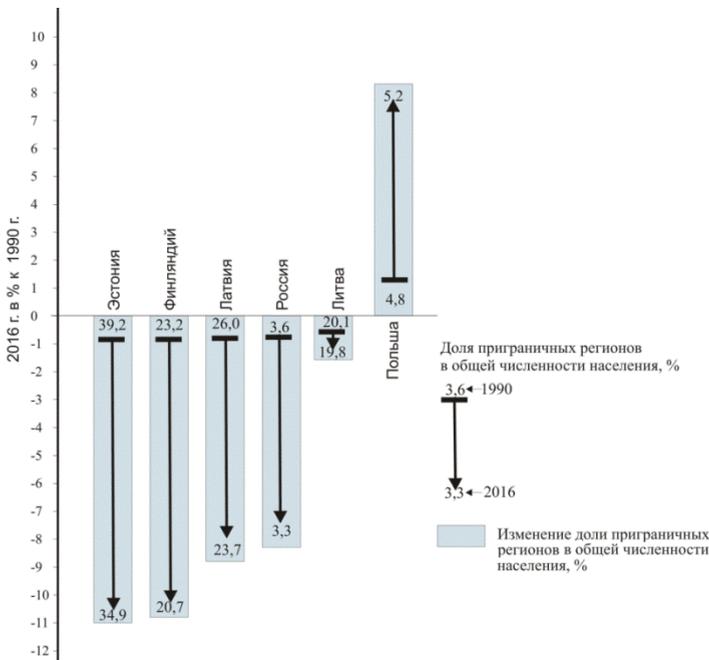

Рис. 1. Изменение доли приграничных субъектов в общей численности населения страны, 1990—2016 годы

Несмотря на общие тенденции, необходимо отметить, что демографическое развитие приграничных регионов рассматриваемых стран неравномерно, на чем далее остановимся подробнее.

Российская Федерация

Общую границу со странами ЕС имеют Республика Карелия, Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области. Они значительно различаются между собой в демографическом аспекте. Выделяются регионы — международные «коридоры развития»³ (Ленинградская и Калининградская области) с более благоприятными социально-экономическими и демографическими показателями и депрессивные регионы (Республика Карелия, Мурманская и Псковская области), где демографическая ситуация в постсоветский период крайне неблагоприятна, что отражают показатели динамики численности жителей. Население в первой группе регионов возрастает, а во второй — быстро сокращается (рис. 2). Хотя стоит отметить, что в Ленинградской области, несмотря на наличие общей позитивной тенденции, численность жителей в городах, расположенных в непосредственной близости к границе с Эстонией, сокращается [27].

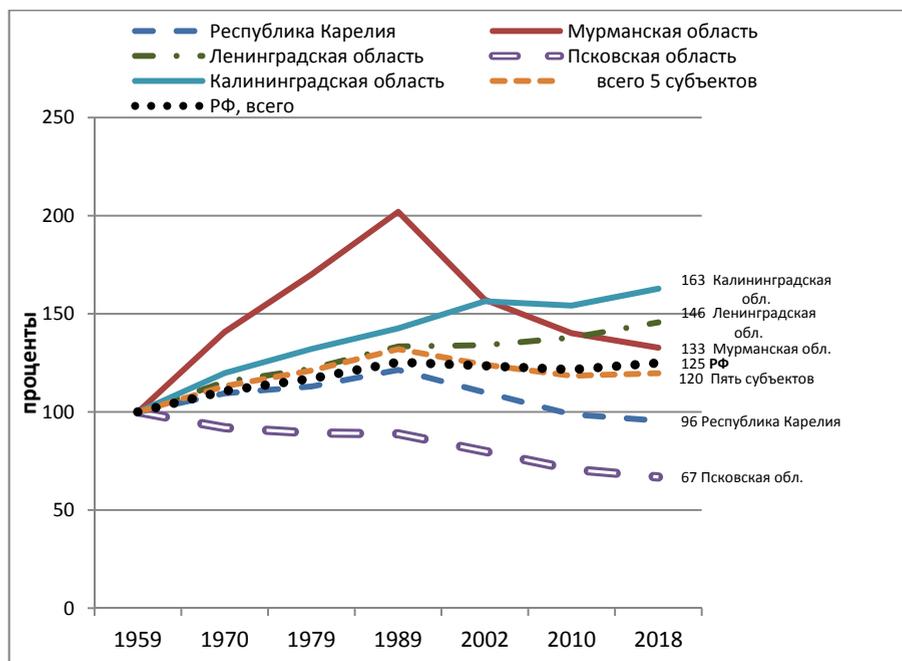

Рис. 2. Динамика численности населения субъектов РФ, расположенных на границе со странами ЕС, 1959—2018 годы (на начало года)

³ Понятие *международные «коридоры развития»* [24; 25] берет начало из идей Дж. Фридманна, который под «коридорами развития» понимал регионы, расположенные между национальными «регионами-ядрами» и использующие возможности своего географического положения для развития экономики [26]. «Международные коридоры развития», в отличие от расположенных внутри одной страны, находятся между «регионами-ядрами» двух и более государств. Они могут обслуживать внешнеэкономические связи, встраиваться в общие цепочки создания добавленной стоимости, заимствовать инновации из «регионов-ядер» двух и более государств.

Источником увеличения численности населения формирующихся международных «коридоров развития» является миграционный прирост (рис. 3). В северных регионах — Карелии и Мурманской области — он отрицательный, а в Псковской области чуть выше нуля.

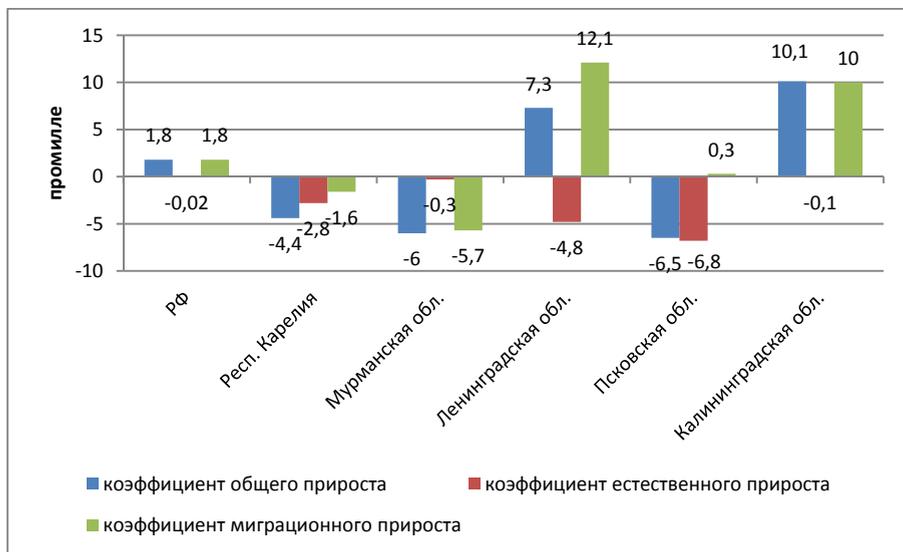

Рис. 3. Естественный, миграционный и общий прирост численности населения субъектов РФ, расположенных на границе со странами ЕС, 2016 год

Естественный прирост населения в Калининградской области близок к нулю, а в Ленинградской области — отрицательный. Правда, следует заметить, что отражаемые статистикой значительные темпы естественной убыли населения в Ленинградской области связаны с тем, что часть регистраций рождений ее жителей происходит в Санкт-Петербурге. Поэтому и коэффициент рождаемости в Ленинградской области самый низкий из пяти рассматриваемых субъектов. В трех остальных регионах (Республика Карелия, Мурманская и Псковская области) наблюдается сокращение численности населения.

Страны Европейского союза

В прилегающих к границе с Россией регионах стран ЕС отмечаются такие же, как в российских приграничных регионах, различия в динамике численности населения и ее источниках. Четко выделяются «полюса роста» — международные «коридоры развития» и депрессивная в демографическом отношении периферия. Гданьский регион (где положительным фактором динамики населения выступает Гданьская агломерация — Трехградье) представляет собой международный «коридор развития» как и российские регионы данного типа (Ленинградская и Калининградская области), и резко выделяется высокими темпами роста. Гданьский регион отличается от остальных и тем, что значительное общее увеличение числа жителей складывается почти в равных долях как из миграционного, так и из естественного прироста населения: здесь самый высокий коэффициент рождаемости (13,3 на 1000 жителей в 2016 году)

при самом низком коэффициенте смертности (7,5). Такие особенности связаны с более «молодой» возрастной структурой населения, сложившейся вследствие интенсивного притока мигрантов.

Несколько ниже темпы роста в финской Северной Остроботнии, где увеличение населения обеспечивается повышенным естественным его приростом за счет относительно высокой рождаемости. В остальных регионах всех пяти стран начиная с 1995 года число жителей сокращается (рис. 4, 5).

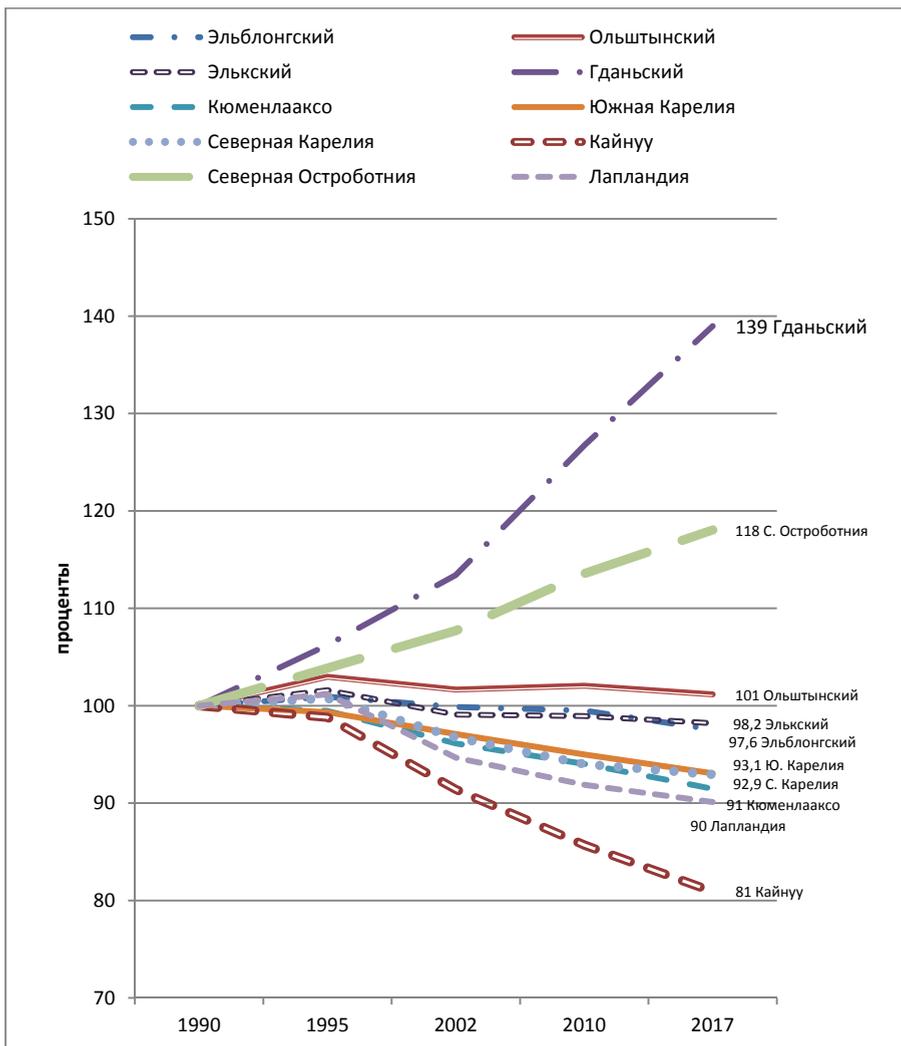

Рис. 4. Динамика численности населения регионов Польши и Финляндии, 1990—2017 годы, в процентах к 1990 году

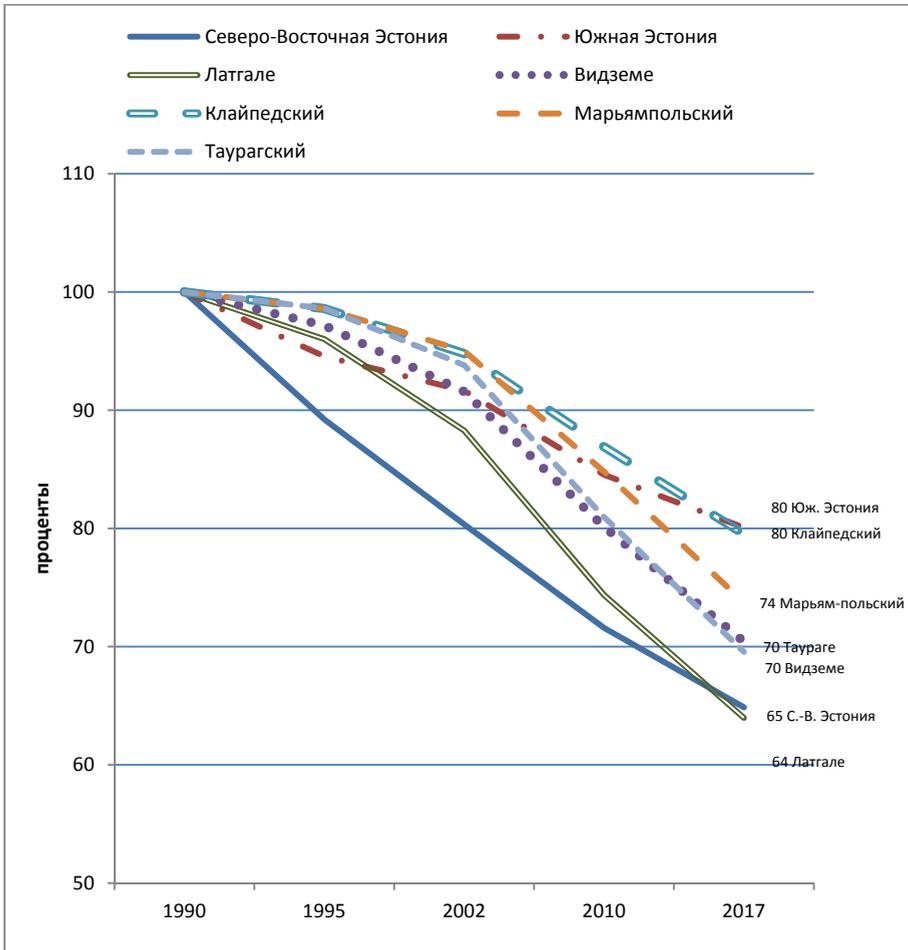

Рис. 5. Динамика численности населения регионов стран Прибалтики, 1990—2017 годы, в процентах к 1990 году

Так же, как и в России, теряют население северные регионы Финляндии (рис. 4). Особенно быстро снижается численность населения в пограничных с Россией регионах стран Прибалтики (рис. 5). Здесь из семи регионов только в Клайпедском население сокращается медленнее, чем в среднем по стране, что можно объяснить его функциями в качестве международного «коридора развития». Активное сокращение численности населения происходит во всех муниципальных образованиях Латвии, удаленных от столицы [28], однако в приграничных с Россией регионах данный процесс имеет более выраженный характер.

Соотношение естественного и миграционного движения в динамике численности населения рассматриваемых регионов отражают рисунки 6 и 7.

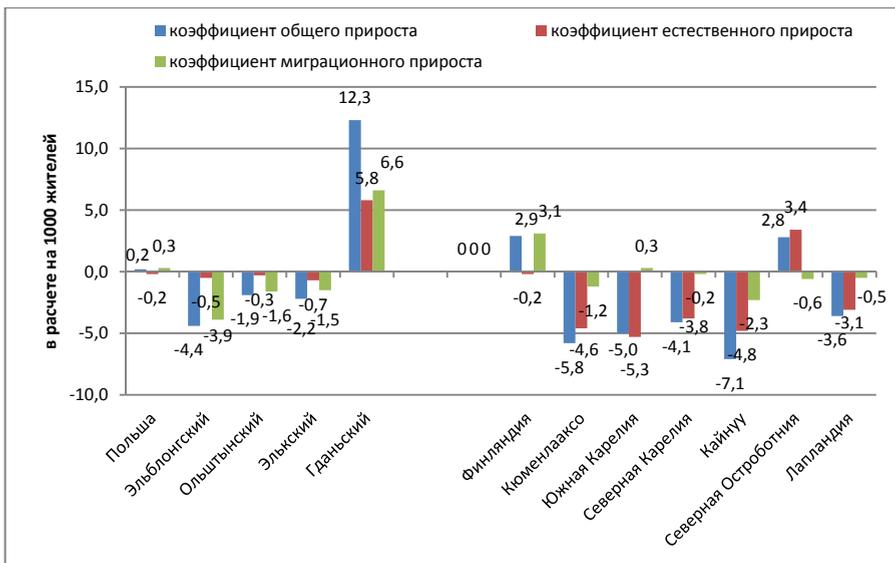

Рис. 6. Естественный, миграционный и общий прирост населения регионов Польши и Финляндии, расположенных на границе с РФ, 2016 год

Источник: [10].

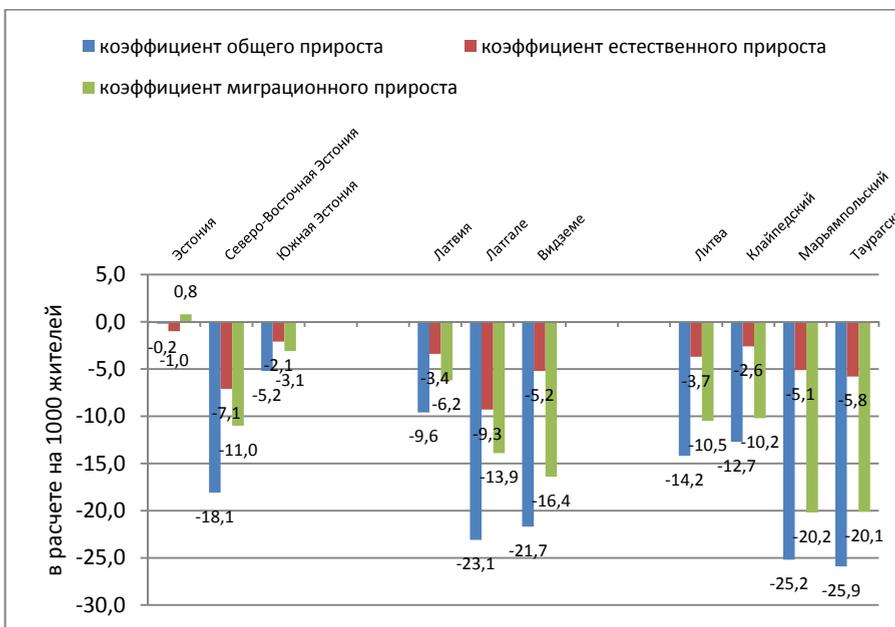

Рис. 7. Естественный, миграционный и общий прирост населения регионов стран Прибалтики, расположенных на границе с РФ, 2016 год

Источник: [10].

В Польше миграционный прирост в 2016 году не имел ни один из пограничных с РФ регионов, кроме Гданьского. А в Финляндии он отмечался только в Южной Карелии, в основном за счет динамично развивающегося центра региона — города Лаппеенранта (при этом обе названные страны имели небольшой миграционный прирост). В государствах же Прибалтики все пограничные с РФ регионы характеризовались значительным оттоком населения.

Сравнение динамики численности населения имеющих общую границу приграничных регионов РФ и стран ЕС

Сопоставляя показатели общего, естественного и миграционного прироста на 1000 жителей рассматриваемых регионов со средним уровнем соответствующих стран, можно отметить следующие особенности. Во-первых, из российских регионов только в Калининградской области, несмотря на ее эксклавное положение, три показателя (общий, естественный и миграционный прирост населения) выше средних по стране (хотя относительно высокий естественный прирост населения связан не столько с интенсивностью рождаемости, сколько с благоприятной структурой населения). В Ленинградской области два показателя выше, а естественная убыль населения больше, чем в среднем в РФ. В Карелии выше только коэффициент естественного прироста (но, как в Калининградской области, вследствие специфики возрастной структуры населения).

Еще менее благоприятны по сравнению со средними по соответствующим странам показатели большинства граничащих с РФ регионов государств ЕС. В Польше только в Гданьском регионе все три показателя выше средних по стране, в трех других регионах — все три ниже. В Финляндии выше среднего только один показатель в одном регионе из шести — коэффициент естественного прироста в Северной Остроботнии. В Литве все три показателя лучше среднего (но ненамного) в Клайпедском регионе, в двух остальных — все три ниже. Два латвийских и два литовских региона имеют по три показателя ниже среднего уровня.

Указанные особенности подтверждают, что три приграничных региона (международные «коридоры развития») — Калининградский, Ленинградский и Гданьский — выделяются на фоне остальных, которые предстают в виде депрессивных в демографическом (и экономическом) отношении территорий, как и следует из центр-периферийной концепции. Некоторые признаки «коридора развития» имеет и Клайпедский регион (но потенциал его в этом направлении невелик из-за небольших размеров экономики Литвы). То есть большинство рассматриваемых регионов РФ и ЕС разделены границей, в которой барьерные функции преобладают над контактными. И регионы — «коридоры развития» не представляют собой исключение, поскольку их динамизм никак не зависит от трансграничных связей: это портовые комплексы, обслуживающие преимущественно транзитные связи в интересах всей страны или достаточно большого хинтерланда.

Рисунок 8 отражает географическое сопоставление показателей динамики численности населения граничащих друг с другом регионов России и стран ЕС. Видно, что показатели всех российских регионов лучше по сравнению с показателями граничащих с ними регионов Польши и стран Прибалтики, за исключением Гданьского региона, где коэффициенты общего и естественного прироста населения выше, чем в Калининградской области (но миграционного

прироста — ниже). Соотношение регионов России и Финляндии не столь однозначно: в одних приграничных финских регионах ситуация лучше (особенно на севере — в Северной Карелии, Северной Остроботнии и Лапландии), в других — хуже (особенно в Кайнуу).

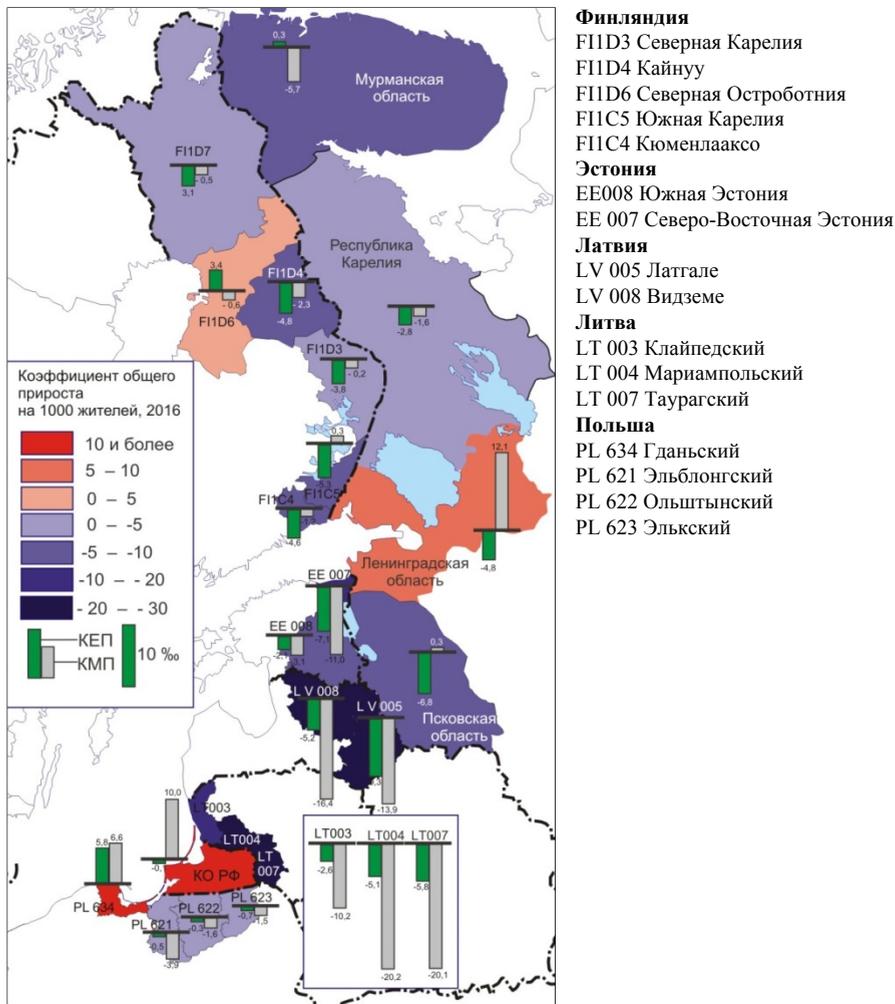

Рис. 8. Сравнительные показатели динамики численности населения граничащих друг с другом регионов России и стран ЕС

Заметим, что даже на границе с Ленинградской областью, где трансграничное сотрудничество относительно активно, демографические показатели менее благоприятны, чем в среднем по Финляндии. Практически только в находящемся вблизи границы городе Лаппеенранта возрастает численность населения, в том числе за счет размещения здесь выезжающих из России русскоязычных финнов-ингерманландцев (источники сообщают о проживании здесь значительного количества русскоговорящего населения)⁴. Но в расположенном

⁴ Финские города. Лаппеенранта. URL: <http://da.fi/304.html> (дата обращения: 15.06.2018).

также в провинции Южная Карелия приграничном городе Иматра, как и в регионе в целом, количество жителей сокращается. Что касается российских приграничных городов Выборга и Светлогорска (связанных с двумя названными финскими городами транспортными путями и образующих своеобразные «пары» Выборг — Лаппеенранта и Светогорск — Иматра), потерявших значительное число жителей в 1990-е годы, то в 2000—2016 годах население здесь остается практически стабильным (см. табл.).

**Динамика численности населения
приграничных городов РФ и соседних стран ЕС***

Город (страна)	Численность населения, тыс. человек, 2017 (на начало года)	Изменение численности населения, в среднем за год, %		
		1979—1988	1989—1999	2000—2016
<i>Россия — Финляндия</i>				
Иматра (Фин.)	28,4	0,6	-3,7	-0,7
Лаппеенранта (Фин.)	55,5	3,9	3,9	0,4
Выборг (РФ)	78,5	3,4	-0,7	-0,1
Светогорск (РФ)	15,7	9,1	-0,6	0,1
<i>Россия — Эстония</i>				
Нарва (Эст.)	57,1	0,7	-1,5	-0,9
Силламяэ (Эст.)	13,7	2,4	-1,6	-1,4
Кохтла-Ярве (Эст.)	35,4	-1,6	-2,4	-1,6
Выру (Эст.)	12,4	0,4	-1,5	-1,2
Ивангород (РФ)	10,5	1,0	0,1	-0,7
Кингисепп (РФ)	45,3	2,5	0,4	-0,6
Печоры (РФ)	10,0	1,9	1,4	-2,1
<i>Россия — Латвия</i>				
Балвы (Латв.)	6,3	1,9	-0,7	-1,8
Пыталово (РФ)	5,3	3,1	0,1	-1,8
<i>Россия — Литва</i>				
Кибартай (Лит.)	4,8	0,3	-0,7	-1,9
Шилуте (Лит.)	15,9	2,6	0,1	-1,7
Неринга (Лит.)	3,1	1,1	-0,3	1,6
Нестеров (РФ)	4,1	0,2	0,4	-1,3
Советск (РФ)	40,5	0,4	0,3	-0,3
Зеленоградск (РФ)	15,5	1,0	1,2	1,3
<i>Россия — Польша</i>				
Бартошице (Пол.)	23,8	1,8	0,0	-0,2
Кентшин (Пол.)	27,5	1,2	-0,5	-0,1
Багратионовск (РФ)	6,4	1,1	0,7	-1,2
Черняховск (РФ)	36,4	1,1	1,1	-2,0

* Рассчитано автором на основе данных статистических органов РФ, ЕС, Польши, Финляндии и стран Балтии.

Анализируя таблицу, можно заметить, что в 1979—1989 годах численность населения всех рассматриваемых городов, расположенных вдоль внешней границы России со странами ЕС, возрастала. Исключение — Кохтла-Ярве: экономика этого города испытывала трудности вследствие снижения роли сланцевой промышленности. После выхода Эстонии из состава СССР население эстонских приграничных городов стало сокращаться быстрее, чем в среднем по стране из-за оттока русского населения. Впрочем, и в расположенных вблизи границы городах двух других государств Прибалтики население

(кроме курортной Неринги в Литве) в постсоветский период быстро уменьшается, в том числе за счет оттока части русского населения (особенно в 1990-е годы) в Россию — соседние приграничные и другие города. Небольшое сокращение жителей (меньшее, чем в среднем в приграничных воеводствах) сейчас характерно и для приграничных польских городов. Соседние российские города, кроме курорта Зеленоградска, также теряют население, причем близкими, а иногда даже более высокими темпами (Черняховск, где сказывается притяжение соседнего динамично развивающегося Калининграда).

Таким образом, приграничное расположение городов — и находящихся вблизи государственной границы со странами ЕС российских, и соседних зарубежных, за немногим исключением, — играет скорее отрицательную роль в их развитии. Смогли использовать расширение приграничных связей Лаппеенранта (Финляндия), а также польские приграничные города (за счет развития приграничной торговли и производства полуфабрикатов, поступающих на предприятия Калининградской области). Развитие курортов Зеленоградска и Неринги мало связано с их приграничным положением. В остальных же случаях значительное негативное воздействие на развитие экономики приграничных городов оказывает их периферийность.

Заключение

Различия динамики численности населения в приграничных регионах Российской Федерации и стран Европейского союза по обе стороны их общей границы очень велики. Наименее благоприятная ситуация из-за большой естественной убыли и интенсивного миграционного оттока сложилась в регионах Прибалтийских государств, внутри которых различия также значительны. Наименьшие демографические потери несет Южная Эстония. Наиболее благоприятное положение дел — в Калининградской и Ленинградской областях, Гданьском регионе Польши и Северной Остроботнии (Финляндия).

При сопоставлении друг с другом соседних приграничных регионов России и стран ЕС не выдерживают сравнения с Ленинградской и Калининградской областями все регионы Прибалтийских стран. Но Псковская область сопоставима с Южной Эстонией, хотя и выигрывает по сравнению с другими граничащими с ней регионами Эстонии и Латвии. Ситуация в приграничных польских регионах, кроме Гданьского, также хуже, чем в Калининградской области; главным фактором здесь является отток населения из польских регионов при большом положительном сальдо миграции в Калининградскую область, а различия естественного прироста (точнее, естественной убыли населения) невелики. Показатели финских и российских регионов сопоставимы. Быстро увеличивается население Ленинградской области, медленно — финской Северной Остроботнии. Остальные граничащие друг с другом регионы постепенно теряют население за счет как естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока.

Когда рассматриваются приграничные регионы и города, в том числе с точки зрения их демографического потенциала, следует обращать внимание на их сильную дифференциацию — большинство из них действительно, как это следует из концепции поляризации, являются депрессивными, но некоторые становятся «международными полюсами роста», которые одновременно могут иметь и значительные трансграничные связи. Для остальных сотрудничество с соседними регионами зарубежных стран может значительно снизить действующий здесь фактор периферийного положения и дать стимул к социально-экономическому и демографическому развитию.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Fedorov G.* The Concept Of Geo-Demographic Situation And Geo-Demographic Typology Of The Subjects Of The Russian Federation // *Bulletin of Geography*. 2014. Vol. 25, №25. P. 101—114.
2. *Biermann U., Stiller S.* Migration in the Baltic Sea Region in the Context of Demographic Change // *Journal of East-West Business*. 2013. Vol. 19, iss. 1—2. P. 105—121.
3. *Hanell T.* Facts in Figures: The Baltic States and Northwest Russia at a Glance // *North*. 1998. Vol. 9, №2—3. P. 10—16.
4. *Колосов В. А.* Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. №3. С. 83—93.
5. *Кузнецова Т. Ю.* Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ // Региональные исследования. 2013. №3. С. 50—57.
6. *Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. №2. С. 62—80.
7. *Thoborg M.* Population around the Baltic Sea // *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies* / ed. W. Maciejewski. P. 495—509.
8. *Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 7—27.
9. *Karachurina L., Mkrtychyan N.* Population Change in the Regional Centres and Internal Periphery of the Regions in Russia, Ukraine and Belarus over the Period of 1990—2000s // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2015. №28. P. 91—111.
10. *Nefedova T. G., Slepukhina I. L., Brade I.* Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus // *Reg. Res. Russ.* 2016. №6. P. 131—143.
11. *Emelyanova A, Rautio A.* Population Diversification in Demographics, Health, and Living Environments: the Barents Region in Review // *NGP Yearbook 2016: Geographies of Well-Being in the North* / eds. T. Lankila, K. Tervo-Kankare. Oulu, 2016. P. 3—18.
12. *Zupančič J., Wendt J. A., Ilieș A.* An Outline of Border Changes in the Area between the Baltic and the Mediterranean: their Geopolitical Implications and Classification // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, №1. P. 33—46.
13. *Mikhaylov A. S., Mikhaylova A. A., Kuznetsova T. Y.* Coastalization Effect and Spatial Divergence: Segregation of European regions // *Ocean and Coastal Management*. 2018. Vol. 161. P. 57—65.
14. *Regional Periphery in Central and Eastern Europe* / eds. T. Komornicki, K. Ł. Czapiewski. Stanisław Leszczycki Institute of Geography and Spatial Organization. Warszawa, 2006.
15. *Lauko V.* Postavenie Pohraničnej Oblasti Juhozápadneho Slovenska v Regionálnom Rozvoji SR // *Miscellanea Geographica Universitatis Bohemiae Occidentalis*. 2001. №9. P. 213—220.
16. *Haase A., Bernt M., Großmann K. et al.* Varieties of Shrinkage in European Cities // *European Urban and Regional Studies*. 2013. Vol. 23, №1. P. 86—102.
17. *Hudson R.* Uneven Development, Socio-Spatial Polarization and Political Responses // T. Lang, S. Henn, W. Sgibnev, K. Ehrlich (eds.). *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization*. L., 2015. P. 25—39.
18. *Lavrinovich I., Lavrinenko O., Jefimovs N.* Sustainable. Development, Economic Growth and Differentiation of Incomes of Latvian Population // *Journal of Security and Sustainability*. 2012. Vol. 2, №1. С. 33—39.

19. *Fratesi U., Perucca G.* Territorial Capital and the Resilience of European Regions // The Annals of Regional Science. 2018. Vol. 60, №2. P. 241—264.
20. *Lagas P., Dongen F. van, Rijn F. van, Visser H.* Regional Quality of Living in Europe // Region. Vol. 2, №2. 2015. P. 1—26.
21. *Crescenzi R., Iammarino S.* Global Investments and Regional Development Trajectories: the Missing Links // Regional Studies. 2017. Vol. 51, №1. P. 97—115.
22. *Ubarevičienė R., Ham M. van.* Population Decline in Lithuania: Who Lives in Declining Regions and Who Leaves? Regional Studies // Regional Science. 2017. Vol. 4, №1. P. 57—79.
23. *Klupt M. A.* Centre-Periphery Relations in Europe: Demographic aspect // World Economy and International Relations. 2015. Vol. 59, №2. P. 58—67.
24. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.
25. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. №2. С. 5—15.
26. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966.
27. *Zhitin D. V., Shendrik A. V.* Population Dynamics in Towns of Leningrad Oblast: Effects of the Crisis of 2014—2016 // Reg. Res. Russ. 2018. Vol. 8, №1. P. 46—57.
28. *Nipers A., Pilvere I., Bulderberga Z.* Territorial Development Assessment in Latvia // Research for Rural Development. 2017. №2. P. 126—134.

Об авторе

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, доцент Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9707-5003>

Для цитирования:

Кузнецова Т. Ю. Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 41—57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.

POPULATION CHANGE IN THE NEIGHBOURING REGIONS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

T. Yu. Kuznetsova¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016*

Submitted on April 23, 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3

In this article, I carry out a comparative analysis of population change in the bordering regions of Russia and the European Union. Peripheries of their countries, most of these regions enjoy a more or less favourable demographic situation, which, however, differs from place to place. To attain the aims of the study, I analyse official data from Russian and EU

statistical offices and map the results obtained. I identify significant differences between border regions and cities. The most adverse demographic situation is observed in the borderlands of the Baltics, a slightly better one in Poland and Finland. As to Russia's border regions, a population increase is characteristic of Saint Petersburg and the Leningrad and Kaliningrad regions. Yet, a number of cities in the immediate vicinity of the border face a population decline. The demographic situation could be improved by more active trans-boundary collaborations and by the border serving increasingly as a contact area rather than a barrier.

Keywords: demographic situation, border regions, border cities, Russia, Baltics, Poland, Finland

References

1. Fedorov, G. 2014, The Concept of Geo-Demographic Situation and Geo-Demographic Typology of the Subjects of the Russian Federation, *Bulletin of Geography*, 25(25), 101—114. doi: 10.2478/bog-2014-0032.
2. Biermann, U., Stiller, S. 2013, Migration in the Baltic Sea Region in the Context of Demographic Change, *Journal of East-West Business*, Vol. 19, no. 1—2, p. 105—121.
3. Hanell, T. 1998, Facts in Figures: The Baltic States and Northwest Russia at a Glance, *North*, Vol. 9, no. 2—3, p. 10—16.
4. Kolosov, V.A. 2016, Cross-border Regionalization and Frontal Migration: European Experience for Russia? *Regional'nye Issledovaniya* [Regional Research], no. 3, p. 83—93 (in Russ.).
5. Kuznetsova, T. Yu. 2013, Tendencies and Factors of Demographic Development in the Baltic Region: Regional Analysis, *Regional'nye Issledovaniya* [Regional research], no. 3, p. 50—57 (in Russ.).
6. Mkrtychyan, N., Karachurina, L. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 48—62. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.
7. Thoborg, M. 2002, Population Around the Baltic Sea, In: Maciejewski, W. (ed.) *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*, Uppsala, p. 495—509.
8. Fedorov, G.M., Mikhailov, A.S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-1.
9. Karachurina, L., Mkrtychyan, N. 2015, Population Change in the Regional Centres and Internal Periphery of the Regions in Russia, Ukraine and Belarus over the Period of 1990—2000s, *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no. 28, p. 91—111. doi: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018>.
10. Nefedova, T.G., Slepukhina, I.L., Brade, I. 2016, Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus, *Reg. Res. Russ.*, no. 6, p. 131—143. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970516020088>.
11. Emelyanova, A., Rautio, A. 2016, *Population Diversification in Demographics, Health, and Living Environments: the Barents Region in Review*. In: Lankila, T., Tervo-Kankare, K. (eds.) *NGP Yearbook 2016: Geographies of Well-Being in the North*, Finland, p. 3—18.
12. Zupančič, J., Wendt, J.A., Ilieș, A., An Outline of Border Changes in the Area between the Baltic and the Mediterranean: their Geopolitical Implications and Classification, *Geographia Polonica*. Vol. 91, no. 1, p. 33—46. doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0104>.
13. Mikhaylov, A.S., Mikhaylova, A.A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization Effect and Spatial Divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, Vol. 161, p. 57—65.
14. Komornicki, T., Czapiewski, K.Ł. 2006, *Regional Periphery in Central and Eastern Europe*, Stanisław Leszczycki Institute of Geography and Spatial Organization, PAS Warszawa, 234 p.
15. Lauko, V. 2001, Postavenie pohranične oblasti juhozápad neho Slovenska v regionálnom rozvoji SR, *Miscellanea Geographica Universitatis Bohemiae Occidentalis*, no. 9, p. 213—220.

16. Haase, A., Bernt, M., Großmann, K., Mykhnenko, V., Rink, D. 2013, Varieties of Shrinkage in European Cities, *European Urban and Regional Studies*, Vol. 23, no. 1, p. 86—102.
17. Hudson, R. 2015, Uneven Development, Socio-Spatial Polarization and Political Responses. In: Lang, T., Henn, S., Sgibnev, W., Ehrlich, K. (eds.) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization*, London, p. 25—39. doi: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137415080>.
18. Lavrinovich, I., Lavrinenko, O., Jefimovs, N. 2012, Sustainable Development, Economic Growth and Differentiation of Incomes of Latvian Population, *Journal of Security and Sustainability*, Vol. 2, no. 1, p. 33—39.
19. Fratesi, U., Perucca, G. 2018, Territorial Capital and the Resilience of European Regions, *The Annals of Regional Science*, Vol. 60, no. 2, p. 241—264 doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0828-3>.
20. Lagas, P., van Dongen, F., van Rijn, F., Visser, H. 2015, Regional Quality of Living in Europe, *Region*, Vol. 2, no. 2, p. 1—26. doi: 10.18335/region.v2i2.43.
21. Crescenzi, R., Iammarino, S. 2017, Global Investments and Regional Development Trajectories: The Missing Links, *Regional Studies*, Vol. 51, no. 1, p. 97—115. doi: 10.1080/00343404.2016.1262016.
22. Ubarevičienė, R., van Ham, M. 2017, Population Decline in Lithuania: Who Lives in Declining Regions and Who Leaves? *Regional Studies, Regional Science*, Vol. 4, no. 1, p. 57—79. doi: 10.1080/21681376.2017.1313127.
23. Klupt, M. A. 2015, Centre-Periphery Relations in Europe: Demographic Aspect, *World Economy and International Relations*, Vol. 59, no. 2, p. 58—67.
24. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, *Ot izolirovannogo eksklava — k «koridoru razvitiya». Al'ternativy rossiiskogo eksklava na Baltike* [From an Isolated Exclave — to the "Corridor of Development". Alternatives to the Russian Exclave in the Baltic], Kaliningrad, 253 p. (in Russ.).
25. Fedorov, G. M. 2010, The Kaliningrad Dilemma: a 'Development Corridor' or a 'Double Periphery'? The Geopolitical Factor of the Development of the Russian Exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. doi: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.
26. Friedmann, J. 1966, *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, MIT Press, 279 p.
27. Zhitin, D. V., Shendrik, A. V. 2018, Population Dynamics in Towns of Leningrad Oblast: Effects of the Crisis of 2014—2016, *Reg. Res. Russ.*, Vol. 8, no. 1, p. 46—57. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970518010112>
28. Nipers, A., Pilvere, I., Bulderberga, Z. 2017, Territorial Development Assessment in Latvia, *Research for Rural Development*, no. 2, p. 126—134. doi:10.22616/rrd.23.2017.059.

The author

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Associate Professor, Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9707-5003>

To cite this article:

Kuznetsova, T. Yu. 2018, Population Change in the Neighbouring Regions of Russia and the European Union States, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 41—57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.